

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-13-21

УДК 340

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.01.2020

после рецензирования / Revised: 22.02.2020

принятия статьи / Accepted: 27.05.2020

Ю. В. ОспенниковСамарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: desmandado@yandex.ru

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМА ОТХОДА ОТ МАТЕРИАЛИЗМА

Аннотация: В основу статьи положен отзыв официального оппонента на диссертацию Д. А. Савченко, в ходе работы над которым стало очевидно, что необходимо обратить внимание на некоторые тенденции развития современной историко-юридической науки в целом. Постановке этой проблемы и возможному ее разрешению и посвящена данная статья. В статье поставлена проблема возвращения идеалистических методологических оснований в юридическую науку и порождаемых этим процессом последствий. Показано, как отклонение от материалистического подхода приводит к деформации логики исследования и некорректным результатам. Эта общая для современной юридической науки проблема показана на основе критического анализа исследования Д. А. Савченко «Защита политического строя и безопасности русского средневекового государства X – первой половины XVII вв.: историко-правовое исследование». В исследовании была предложена целостная концепция становления и ранних этапов эволюции правовых средств защиты политического строя и безопасности русского средневекового государства, автор создал прочную основу для дальнейшей научной дискуссии и уточнения системы научных представлений о ранних этапах эволюции отечественного права и государства. При этом по причине использования идеалистических методологических оснований автор не замечает объективные процессы, протекавшие в древнерусском обществе; оказываются неучтенными материальные основания изменений, происходящих в политико-правовой сфере.

Ключевые слова: Древнерусское государство, древнерусское право, идеализм, материализм, защита политического строя.

Цитирование. Оспенников Ю. В. Новая концепция становления системы правовых средств защиты политического строя Древнерусского государства и проблема отхода от материализма // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 2. С. 13–21. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-13-21>.

Yu. V. OspennikovSamara National Research University,
Samara, Russian Federation

E-mail: desmandado@yandex.ru

NEW CONCEPT OF ESTABLISHMENT OF A SYSTEM OF LEGAL MEANS OF PROTECTING THE POLITICAL ORDER OF THE OLD RUSSIAN STATE AND THE PROBLEM OF MOVING AWAY FROM MATERIALISM

Abstract: The article is based on the review of the official opponent on the thesis of D. A. Savchenko, during the work on which it became obvious that it is necessary to pay attention to some trends in the development of modern historical and legal science as a whole. This article is devoted to the formulation of this problem and its possible solution. The article raises the problem of return of idealistic methodological grounds to legal science and the consequences of this process. It is shown how deviation from the materialistic approach leads to deformation of the logic of the study and incorrect results. This common problem for modern legal science is shown on the basis of a critical analysis of D. A. Savchenko's study «Protection of political order and security of the Russian medieval state of the X – the first half of the XVII century: historical and legal research». The study proposed a holistic concept of the formation and early stages of evolution of legal means of protecting the political order and security of the Russian medieval state, the author created a solid basis for further scientific discussion and clarification of the system of scientific ideas about the early stages of evolution of domestic law and state. At the same time, due to the use of idealistic methodological grounds, the author does not notice the objective processes that took place in ancient Russian society, the material grounds of changes taking place in the political and legal sphere are not taken into account.

Key words: Old Russian state, Old Russian law, idealism, materialism, protection of the political order.

Citation. Ospennikov Yu. V. *Novaya kontseptsiya stanovleniya sistemy pravovykh sredstv zashchity politicheskogo stroya Drevnerusskogo gosudarstva i problema otkhoda ot materializma* [New concept of establishment of a system of legal means of protecting the political order of the Old Russian state and the problem of moving away from materialism]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 2, pp. 13–21. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-2-13-21> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Юрий Владимирович Оспенников – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени

© Yuri V. Ospennikov – Doctor of Laws, professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Право государств Северо-Западной Руси в XII–XV вв.». Автор более 140 научных работ, в том числе монографии «Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв.» (2007, 2011), также ряд работ написан в соавторстве, в том числе коллективная монография «Система источников русского права X–XVIII вв.» (2014).

Область научных интересов: система источников права, правовые традиции, история права.

С конца XIX – начала XX в. во всех отраслях научного познания установилась парадигма, опирающаяся на исторический материализм. Этот подход убедительно показал свои преимущества в дальнейшем, однако в современной информационной среде все чаще слышны удивительные, на первый взгляд, утверждения, что «материализм доказал свою несостоятельность». Объективными основаниями для этого мировоззренческого сдвига являются изменения, произошедшие в конце XX в. в экономическом укладе и социальной структуре. В общественно-политической сфере этим изменениям соответствует целый ряд явлений, которые иногда связывают с наступлением т. н. «постсекулярного» мира [1, с. 541–548], но которые по сути являются разными проявлениями реакции: увеличение «альтернативных» псевдонаучных теорий, которые вырастают на фоне растущего недоверия к «официальной» науке, растущая популярность религиозных и разных оккультных учений и т. п. В рамках юридической науки на этом фоне все чаще исследователи склоняются к трактовке правового регулирования общественных отношений, государственно-политических и правовых институтов с позиций идеализма – как объективного, так и субъективного. Примерами субъективного идеализма могут быть разнообразные попытки преувеличить фактор личности и свести те или иные изменения к влиянию или воле конкретного лица. Объективный идеализм гораздо опаснее, проявляется в абстрагировании от материальных оснований рассматриваемых процессов и попыток изучать выделенные абстракции сами по себе.

Исследователь, стоящий на идеалистических методологических основаниях, неизбежно допускает серьезные ошибки в трактовке изучаемого предмета. И это проявляется даже в хороших исследованиях, где автор проводит огромную работу по обработке источникового и историографического материала, вдумчиво стремится выстроить целостную концепцию становления и ранних этапов эволюции правовой системы. Речь идет в данном случае об исследовании Д. А. Савченко «Защита политического строя и безопасности русского средневекового государства X – первой половины XVII вв.: историко-правовое исследование» [2], которое рассматривается в рамках статьи как частный случай общей тревожащей тенденции в юридической науке. В рамках статьи, основывающейся на отзыве официального оппонента, будет показано, как элементы идеалистических методологических

Subject of Doctoral thesis: «Law of the states of North-West Russia in the XII–XV centuries». Author of more than 140 scientific works, including monographs «Legal tradition of North-West Russia of the XII–XV centuries» (2007, 2011), a number of scientific works written in collaboration: including collective monograph «System of sources of Russian law of the X–XVIII centuries» (2014).

Research interests: system of sources of law, legal traditions, history of law.

оснований приводят к искажениям рассматриваемого материала и ошибкам в выводах.

Выявление и противодействие различным угрозам общественной и государственной безопасности в современной РФ получают все большее значение и нередко выделяются в качестве самостоятельных направлений научных исследований, приоритетных по отношению ко многим другим направлениям исследовательской работы. В этом отношении тема исследования Дмитрия Александровича Савченко отвечает обеспокоенности представителей государственной власти и значительной части общества, которая усиливается на фоне растущей внутренней и внешней нестабильности. С научной точки зрения эта тема имеет еще большую актуальность, представляя целостную концепцию ранних стадий становления правовых средств защиты политического строя и безопасности русского государства. Благодаря историко-правовому подходу автор может показать тенденции, заложенные в рамках конкретных институтов на определенном этапе их становления, и возможности использования до сих пор нереализованного потенциала. Кроме того, тщательное рассмотрение существовавших в прошлом моделей правовых средств защиты политического строя позволяет расширить взгляд современного законодателя на возможное правовое регулирование этой сферы. Еще один аспект научной актуальности темы исследования Д. А. Савченко заключается в обращении к исследованию крайне сложного периода отечественной истории, в трактовках которого углубляется расхождение между исторической и историко-юридической науками. В этом отношении диссертационное исследование Д. А. Савченко является попыткой свести воедино некоторые выводы историков и историков права, сформировав целостную концепцию, отвечающую современному состоянию науки.

Определение предмета исследования, сформулированное Д. А. Савченко («тенденции и закономерности формирования и развития правовых средств защиты политического строя и безопасности» русского государства в рамках заявленных хронологических рамок) [2, с. 14–15], является удачным, поскольку такой подход позволяет изучать систему правовых средств не в статике, а в процессе становления. Это позволило автору реализовать принцип историзма, выявляя конкретно-исторические особенности рассматриваемых правовых институтов.

В качестве методологической основы исследования заявлен диалектический подход к познанию окружающей действительности, в связи с чем в работе Д. А. Савченко последовательно выявляются противоречия и обусловленные ими тенденции, системные связи, прослеживаются этапы становления отдельных правовых институтов. Однако вопрос о том, какая диалектика применяется – идеалистическая или материалистическая, – остается открытым. При рассмотрении указанных автором методологических позиций вызывает возражения попытка автора заявить об особом историко-правовом методе [2, с. 19]. При описании этого метода он ссылается на работу Т. К. Агузаровой и А. И. Чучаева, где речь идет о принципе историзма [3, с. 7]. Принцип следует рассматривать как более общую категорию, поскольку один и тот же принцип может определять особенности нескольких разных методов. В этом смысле действительно правильно будет говорить о принципе историзма, который должен учитываться при применении ряда других методов: структурно-функционального, сравнительно-правового, атрибутивного анализа и др.

Исследование построено на очень обширной источниковой и историографической базах. По тексту работы видно, что Д. А. Савченко хорошо осознает ограниченные возможности реконструкции системы правовых средств защиты политического строя только на основе сохранившихся памятников права, поэтому справедливо подчеркивает значение таких источников информации, как летописи и актовый материал. Широко используется автором еще одна группа нарративных источников – записки иностранцев.

Богатая историографическая традиция используется автором в полной мере, хотя следует заметить, что Д. А. Савченко недостаточно внимания уделил разграничению методологических различий подходов к изучению рассматриваемых проблем. Используя работы, например, дореволюционных авторов, необходимо применять тот же принцип историзма, то есть учитывать ограниченность методологических позиций этих авторов и известной им источниковой базы. В советский период был существенно расширен и уточнен с источниковедческих позиций круг доступных источников, значительно улучшилось качество методологических подходов, в связи с чем в большинстве случаев невозможно рассматривать работы, например, дореволюционных историков права и советских исследователей в качестве равнозначимых. Приводя позиции одних и других, необходимо при этом учитывать принципиальные различия обеих школ, однако в тексте работы этот подход не реализуется.

Эта особенность подхода к историографии проявляется и в концептуальных вопросах. Например, в целом можно согласиться с трактовкой становления протогосударственного образования, получившего в историографии название Киевская Русь. При этом простых отсылок к нескольким выбо-

рочным работам М. Д. Приселкова, А. А. Горского и И. Д. Беляева, конечно, мало. В современной науке продолжают споры по этой проблеме, поэтому хотя бы кратко следовало определить основные группы аргументов в пользу высказываемой концепции, включая данные других наук: прежде всего, археологии, топонимики, лингвистики и др. Или сослаться на исследования, в которых различные аргументы приведены в достаточно систематизированном виде.

Новизна исследования Д. А. Савченко для историко-правовой науки заключается в создании целостной концепции становления и эволюции системы правовых средств защиты политического строя и безопасности русского средневекового государства в период X – первой половины XVII вв. Формальные основы для защиты политического строя в отечественной правовой традиции появляются относительно поздно, в связи с чем исследования, посвященные противодействию антигосударственной деятельности, преимущественно опирались на правовые акты XVI–XVII вв. За счет расширения хронологических рамок Д. А. Савченко удалось по-новому взглянуть на эту проблему, выявив правовые средства, применявшиеся на ранних этапах становления русской государственности в X–XV вв.

В процессе раскрытия темы автором был сформулирован ряд положений, представляющих интерес для современной историко-правовой науки. В частности, Д. А. Савченко разработана концепция происхождения института наказания в древнерусском праве, согласно которой этот институт складывался из нескольких элементов: 1) изгнание (осуждение с конфискацией); 2) месть (под которой диссертант понимает кару, исходящую от бога и реализуемую обществом); 3) жертвоприношения [2, с. 31].

Очевидным достоинством исследования Д. А. Савченко является стремление выявить раннюю стадию становления института наказания в связи с охраной политического строя. Автор выстраивает подробную теоретическую модель процесса становления [2, с. 55–59]. В качестве рекомендации можно добавить, что эту модель было бы хорошо сопровождать фактическим материалом, обращение к которому могло бы послужить аргументацией для этой модели, а ссылки на этнографический материал лучше было бы давать по современным исследованиям, использующим методики, отвечающие современному состоянию науки, вместо обращения к работам XIX – начала XX вв.

В общем взгляде на систему древнерусского права полностью поддерживаю стремление Д. А. Савченко выявить подсистемы, отражающие конкретно-исторические особенности рассматриваемого этапа становления правовой традиции, в противовес распространенному стремлению систематизировать древнерусское право по отраслевому критерию. В этом отношении Дмитрий Александрович оперирует понятием «норматив-

ные подсистемы», а контекст работы позволяет предполагать, что эти подсистемы автор связывает с разными этническими общностями (славянскими и финноязычными) и их правовыми традициями [2, с. 59]. Здесь нужно обратить внимание, что критерий отнесения к национальным общностям в средневековье не являлся актуальным, поэтому, видимо, подход автора следует расширить и уточнить (например, более уместно будет говорить о корпоративных общностях с их особыми подсистемами права), хотя вполне допускаю, что специфика работы не предполагала его полное раскрытие на страницах диссертации.

Представляет интерес идея о мерах безопасности, которые обособляются от наказания и представляют собой ослепление политических оппонентов, их опалу, ссылку и убийство [2, с. 31]. Действительно, многочисленные известные нам случаи такого рода политических расправ невозможно рассматривать в качестве мер наказания, поскольку они, очевидно, противоречат известной для того времени системе наказаний. Логичным развитием этой мысли явилось вычленение диссертантом отдельной группы мер пресечения, к которым им были отнесены тюремное и монастырское заключение, отдача «за пристава» и «на поруки». Возможно, эта группа может быть обнаружена и в более ранний период (если рассмотреть заточение «в поруб», тем более что сам Д. А. Савченко в одной из своих работ рассматривает эту меру ответственности [4, с. 152–153]).

Также научный интерес представляет трактовка крестного целования как публичного квазидоговора [2, с. 33]. Под квазидоговором обычно понимают отношение, которое порождает последствия, как будто бы был заключен договор. В этом смысле, прежде всего, могут быть привлечены договорные грамоты Новгорода с князьями, которые как раз представляют такой тип отношений между населением, членами городской общины и приглашаемым князем. Однако в московской правовой традиции таких очевидных свидетельств договорных отношений нет. Нельзя исключать того, что некоторые элементы договорных отношений существовали и в московской правовой традиции, но в этом отношении необходима дополнительная исследовательская работа по выявлению таких элементов и установлению степени их значимости. К сожалению, договорные грамоты с князьями как особая группа источников права в работе Д. А. Савченко практически не представлена.

В результате имеющих внутреннюю логику построений Д. А. Савченко приходит к формированию «самостоятельного механизма правовой охраны общественных отношений», в структуре которого он выделяет три основных элемента: 1) акт закрепления охраняемых отношений (договорное обязательство, присвоение охраняемого статуса, установление правового режима, удовлетворение требования о признании субъективного права); 2) основание принуждения (факт, содержащий признаки состава правового нарушения

или правовой угрозы, способы и формы их установления); 3) содержание принуждения (меры ответственности и меры безопасности) [2, с. 73]. Новым и интересным взглядом является рассмотрение установления определенных правовых режимов как имеющих особую охранительную роль. При этом Д. А. Савченко выявляет несколько их разновидностей: персональные, предметные, территориально-объектные, временные комплексные ситуативные режимы [2, с. 72].

В целом Д. А. Савченко удалось достаточно глубоко проникнуть в изучаемый предмет, предложить целостную авторскую концепцию становления и эволюции правовых средств защиты политического строя и безопасности русского средневекового государства в период X – первой половины XVII вв. При этом, будучи убежден в том, что развитие науки возможно только через основательную критику существующих исследований, считаю необходимым особо выделить критические замечания, которые должны способствовать научной дискуссии и дальнейшему уточнению представлений о рассматриваемой теме.

Наиболее серьезное замечание связано с определением методологического основания исследования Д. А. Савченко, и его следует раскрыть подробно, поскольку эта особенность методологии имеет своим следствием целый ряд неудачных, на мой взгляд, трактовок конкретного материала. Так, Дмитрий Александрович пишет, что «согласие сторон (добровольное или вынужденное) придавало основанному на договоре политическому строю дополнительную устойчивость» [2, с. 71]. Действительно, на ранних этапах становления государственности консенсус ряда общественных групп (не всех, а обладающих реальным экономическим влиянием) имел принципиальное значение для признания существующей власти, позднее правящие группы стремились хотя бы придать своей власти такую видимость, оформить ее через соответствующие процедуры (например, известные случаи приглашения князей по соглашению с верхушкой городской общины, позднее не менее яркие примеры дает деятельность Ивана IV). Но, на мой взгляд, является серьезной ошибкой делать обобщение и полагать, что политический строй был основан на некоем общественном договоре. Если даже мы можем в конкретных исторических обстоятельствах увидеть какой-то договорный процесс, важно уточнить – в результате компромисса каких общественных групп происходит легитимация конкретных политических фигур. Ни в одном случае мы не сможем найти общественный договор в полном смысле этого слова, предполагающий консенсус всего общества. Даже в условиях Смуты начала XVII в. земские соборы, отражая настроения значительной части русского общества, встречали противодействие со стороны отдельных общественных групп (и это, возможно, период наибольшего национального единения русского общества в рассматриваемых рамках X–XVII веков).

Отсюда вытекает основной недостаток исследования: государство рассматривается само по себе, в отрыве от его социальной сущности, от решения вопроса, чей интерес реализуется через государственное принуждение. Это идеалистический подход. В связи с этим некоторые аспекты защиты политического строя полностью выпали из сферы внимания диссертанта. Например, все многообразие классовой борьбы, в т. ч. внутри класса феодалов между разными его группами. При этом Д. А. Савченко успешно пользуется сравнительно-правовым методом, основываясь на признании «общей логики становления права как социального явления в период перехода от общинно-родового строя к классовому» [2, с. 42]. Следовательно, логика развития государственно-политических и правовых моделей, находящаяся в прямой зависимости от классовых отношений, хорошо знакома диссертанту. Вероятно, он сознательно или бессознательно избегает поднимать вопросы классовой борьбы, находясь под воздействием господствующей сейчас идеологической парадигмы.

В соответствии с идеалистическим подходом автор преувеличивает объективно присущее политическому строю свойство самоорганизации общества для решения общих задач, игнорируя другой важнейший компонент: на всем протяжении рассматриваемого периода политическая власть выступает как средство принуждения, обеспечивая изъятие прибавочного продукта в пользу правящего меньшинства. Это не исключают друг друга концепции: власть носит классовый характер, но при этом реализует и некоторые функции, полезные для широких слоев населения, чем оправдывает свое существование в их глазах. Например, это сочетание разных элементов хорошо видно в договорных грамотах с князьями: князь приглашается для выполнения военной и судебной функций, при этом для городской общины очевидно, что у князя есть и другие интересы, которые пытаются ограничить через ряд запретов, включаемых в состав грамоты (приобретение земельных участков на территории городской общины, приобретение зависимых людей, самостоятельная торговля с Немецким двором и т. п.) [5, с. 9–12, 15 и др.]. Тем не менее та же группа источников – договорные грамоты – показывает, что устанавливаемые запреты постоянно нарушались (например: «А что твой брат отъял был поже у Новагорода, а того ти, княже, отступитися: что новгородцев, то новгородцев; а что пошло князю, а то княже») [5, с. 10] в борьбе за возможность эксплуатировать постоянно упоминаемых в договорных грамотах холопов, закладников, половников, смердов. В результате в договорных грамотах новгородское вече и княжеская власть взаимодействуют как два феодала, борющиеся за возможность изымать прибавочный продукт.

Дальше идеалистическая методологическая позиция проявляется в некритичном доверии к установлениям международного соглашения [2, с. 83–84], в результате чего Д. А. Савченко при-

ходит к выводу, что в период XIII–XVII вв. отказ от обращения пленных в рабство стал общепринятым между христианами. Однако многочисленные факты обращения пленными и мирного населения в несвободное состояние противоречат такому подходу не только применительно к рассматриваемому периоду – даже во время Северной войны мы видим эту практику. Говоря о войне, в другом месте Д. А. Савченко цитирует М. А. Таубе («средневековые войны... суть по общему правилу войны из-за права»). При этом даже те современные исследователи, которые применяют цивилизационный подход, трактуют войны, прежде всего, как средство присвоения прибавочного продукта (и рабов как концентрированного прибавочного продукта) [6, с. 44]. Д. А. Савченко здесь вновь следует за теми идеалистическими концепциями, которые неоправданно преувеличивают значение права в социальной жизни.

Идеалистический подход приводит к невозможности увидеть некоторые существенные противоречия внутри изучаемой системы правоотношений. Например, Д. А. Савченко ясно дает понять, что исходит из наличия неких «исходных социальных принципов добра, доверия и возмездности» [2, с. 49, 65 и др.], которые лежат в основе правового регулирования. При этом нигде в работе не показано, как эти «принципы» проявляют себя в праве – именно как принципы, а не просто отдельные совпадения. По сути, автор игнорирует обусловленность правовых представлений социально-экономическим базисом, исходит из идеалистического взгляда на право. Д. А. Савченко ссылается для обоснования этих «принципов» на Ульпиана, но нужно понимать, что Ульпиан говорил о том, каким он хотел бы видеть право, прекрасно понимая все несовершенство современной ему системы правового регулирования. В частности, те же стойки, к которым принадлежал Ульпиан, считали неправильным рабское состояние человека, но имели дело с правом рабовладельческого общества. Конечно, называя право искусством доброго и справедливого, Ульпиан не имел в виду рабовладельческое действующее право, он говорил об идеальной модели, к которой следует стремиться.

В результате Дмитрий Александрович формулирует следующее положение: «Механизм правовой охраны общественных отношений формировался вокруг социального принуждения, которое в результате упорядочения получало форму принуждения легитимного (правового). Его главный отличительный признак – соответствие господствовавшему в обществе на определенном этапе его развития представлению о справедливости» [2, с. 66]. Но откуда в классовом обществе возьмется некое общее представление о справедливости? Как тогда рассматривать восстание крестьян или посадских жителей? Например, московское восстание 1648 г., которое было открыто направлено против существующей политической модели и ее ключевых фигур: на чьей стороне здесь справед-

ливость? Носители власти отражают ее? Или восставшие? А ведь в составе восставших мы видим разные социальные силы, имевшие разные экономические и политические требования – у них тоже было некое общее представление о справедливости? И в этом смысле Д. А. Савченко правильно ссылается на исследование Н. М. Золотухиной, но не замечает, что она выявляет представления жителей московского государства XVI в. о «высшей справедливости», с которой действующее право имеет существенные расхождения. Полагаю, что автору следовало конкретизировать, представления какой классовой группы о справедливости кладутся в основу правового регулирования в каждом конкретном случае.

В результате Д. А. Савченко приходит к логичному тезису о «справедливом принуждении», которое «образует фактическое волевое содержание специализированных правоохранительных средств». То есть, например, вся репрессивная деятельность феодального государства по подавлению народных движений объявляется справедливой. Охранительный потенциал таких построений понятен, но привести он может (и на исторических примерах мы это постоянно видим) только к консервации существующей системы, объективно препятствуя ее дальнейшему совершенствованию. Соответственно, методологические основания автора можно еще скорректировать, определив их не просто как идеалистические, а как консервативно-идеалистические. На мой взгляд, здесь проявляется фактор воздействия на исследователя конкретно-исторических обстоятельств, в т. ч. политической ситуации, поскольку в современной РФ существует определенный запрос со стороны властных институтов, и сам информационный фон в официальном медиапространстве все чаще порождает подобные консервативные и идеалистические методологические подходы.

Эта методологическая слабость проявляется и в ряде более частных случаев. Например, Д. А. Савченко предполагает, что «посредством вечевых собраний население Руси формировало свою волю по главным социальным и политическим вопросам и поддерживало соответствующую модель справедливости, чем создавало для князя пределы в его властных полномочиях» [2, с. 39]. Никакого «населения Руси» как единой политической силы, конечно, не существовало, и не существовало его «воли». Прежде всего, известные нам вечевые собрания Новгорода и Пскова формируют волю городской общины как коллективного феодала в отношении сельской округи. Современные исследования по вечевым структурам убедительно показывают, что вечевые собрания выражали волю лишь некоторых групп свободных горожан [7, с. 535–536]. Продолжая эту же логику возражений, считаю слишком узкой трактовку нормы как отражения социальной закономерности объективного характера («определенные обстоятельства влекут за собой соответствующие формы поведения человека») [2, с. 42]. По сути, такой узкой трак-

товкой навязывается объективно-идеалистическая трактовка права, игнорируются материальные основания, детерминирующие поведение человека, игнорируется значение права как инструмента в руках правящего класса для реализации своего интереса, в то время как все памятники рассматриваемого периода наглядно показывают его феодальный характер.

Второе принципиальное замечание связано с особенностями использования историографической базы, которая, как уже было отмечено, в диссертации очень обширная. Тем не менее в качестве недостатка, который носит характер массовой проблемы для юридической литературы, можно отметить большой отрыв от современного состояния исторической науки. Например, вызывает сомнения использование для аргументации отсылок к обычаям скифов (по рассказам Геродота) без всяких пояснений, какие существуют основания для перенесения правовых обычаев скифов на население Древней Руси рассматриваемого периода [2, с. 93]. Почему-то утверждается, что народные собрания в языческий период были выразителями воли богов, при этом в качестве довода приводится выражение «глас народа – глас божий». Конечно, гораздо лучше было бы выстроить другую аргументацию, включающую отсылки к нарративным или другим источникам информации. При этом чуть дальше Д. А. Савченко рассуждает о роли жрецов, которые формулировали религиозные запреты в соответствии с волей правящей группы, – эта логика не вызывает возражений, поскольку хорошо известна ее фактологическая основа. Наконец, можно отметить, что при рассмотрении отношений славян и хазар весьма неудачным выбором следует считать ссылки на Л. Н. Гумилева и М. Ф. Владимирского-Буданова, представления которых подверглись в советской и современной историографии существенной переработке.

Можно выделить ряд частных замечаний, которые, скорее, носят характер ремарок и уточнений. Например, Д. А. Савченко, говоря о раннем этапе становления государственности, дает перечень политических субъектов, называя вече, князей, дружину, служителей религиозного культа [2, с. 57]. Надо признать, что это слишком узкий круг, к тому же не учтено своеобразие эпохи – в качестве политических субъектов выступали, прежде всего, различные корпорации. А самое главное – эти политические субъекты рассматриваются в вакууме, в отрыве от их социальной базы, интересы которой они реализовывали.

Некоторые возражения возникают по поводу трактовки изменений, которые произошли в системе принудительных мер в связи с принятием христианства. Во-первых, слишком мало данных, чтобы уверенно говорить о том, что в языческий период в восточнославянских общинах жертвоприношения использовались как индивидуальная принудительная мера. Еще большие сомнения вызывает утверждение, что «отмена жертвоприношений... в определенной мере дезорганизовала суще-

ствовавшую ранее на Руси официальную систему социального контроля и поддержания общественного порядка» [2, с. 133]. О жертвоприношениях, которые известны у восточных славян по археологическим данным, существуют основательные исследования, основанные на данных археологии и этнографии, из которых можно с большой долей уверенности сделать вывод, что, во-первых, человеческие жертвоприношения непосредственно перед принятием христианства – это исключительные случаи (сама практика осталась в глубоком прошлом), во-вторых, значительная часть жертвоприношений, связанная с сельскохозяйственным культом, никуда не пропала после принятия христианства [8, с. 152–156; 9, с. 32–34 и др.]. В этом смысле некорректно говорить об «отмене» жертвоприношений, тем более как о каком-то значимом факторе. При этом надо заметить, что сама идея связать летописный рассказ об «умножившихся разбоях» при Владимире Святославиче и этот предполагаемый кризис публичной безопасности [2, с. 133–135] является весьма остроумной, но нуждающейся в дополнительной аргументации.

Во-вторых, «ограничение и формальную отмену» так называемой кровной мести (в древнерусских памятниках права речь идет всегда о мести как о более широком институте) вряд ли можно связывать только с принятием христианства. Ограничение института мести – весьма растянутый во времени процесс, который очевидные результаты получает только к XVI веку, будучи прежде всего связанным с процессом становления государственной власти, которая, достаточно усилившись, только в это время смогла ограничить сферу частноправового регулирования [10, с. 156–161]. Трактовка мести в качестве одного из источников наказания нуждается в существенных пояснениях. Месть в любой форме относится к системе частноправового регулирования общественных отношений, в то время как наказание является публично-правовым воздействием на правонарушителя. На мой взгляд, древнерусская правовая традиция XII–XV вв. показывает параллельную эволюцию института мести как элемента частноправовой системы регулирования и становление наказания как публично-правового воздействия на правонарушителя.

Точно так же, соглашаясь в целом с Дмитрием Александровичем в том, что само понимание воздействия на правонарушителя в смысле «наказания» приходит в этот период из Византии (и это вполне прослеживается в древнерусском церковном праве), следует возразить, что это изменение понимания воздействия на правонарушителя имело гораздо более значимые движущие силы, действовавшие в рамках эволюции древнерусского общества в связи со становлением государственной власти. Поэтому именно в XVI веке появляется трактовка преступного деяния как «преступления», то есть нарушения установленного государственной властью предписания, а соответственно и «наказания» как возмездия за нарушен-

ный запрет, а для оформления этой новой модели были использованы уже известные по церковному праву термины.

Говоря о различных видах наказаний, Д. А. Савченко в некоторых случаях отождествляет «поток и разграбление» – с одной стороны, и изгнание князей городскими общинами – с другой. Действительно, рассматривая эти явления в отрыве от конкретно-исторических обстоятельств, можно увидеть определенные черты сходства. Некоторые черты сходства «потока и разграбления» и действий городских общин против князей можно увидеть в летописном рассказе об изгнании киевлянами Изяслава Ярославича и последующем разграблении его двора [11, с. 114–115]. Эти события Д. А. Савченко рассматривает как применение «потока и разграбления» [2, с. 137]. Однако существует гораздо больше аргументов против такой трактовки. Даже с формальной стороны, важно отметить, что летописи никогда не применяют к случаям изгнания князей термин «поток». Гораздо больше оснований видеть в фактах изгнания князей последствие нарушений договорных отношений (как раз на это основание мы имеем прямые указания историков), а не применение наказания, например: «...и вознегодоваша новгородци, зане не створи им наряда, но боле раздра, и показаша путь сынови по нем [об изгнании Романа Ростиславича. – Ю.О.]» [12, с. 153]. В некоторых случаях прямо указывается, в чем состояло нарушение договорных отношений: «А княжичицу Ростиславу путь показаша с Торжку к отцу в Чернигов: «како отец твой рекл был нам всести на конь на воину с Возвижения и крест целовал, а се уже Николин день, с нас крестное целование, а ты поиди прочь, а мы себе князя промышлим» [12, с. 210], или перечисляется целый список пунктов, нарушение которых вменяется князю: «а к князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его: «чему отнял еси Волхового голными ловци, и поле отнял еси заячьими ловци? чему взял еси Олексин двор Моргкича? а серебро еси за что поимал на Микифоре Манушкиничичи и на Романе Болдыжевиче и на Волфромей? а иное, чему выводил от нас иноземца, котореи у нас живут? а того много вины его; «а ныне, княже, не можем терпети насилья твоего; поиди от нас, а мы себе князя промышлим» [12, с. 238–239]. В некоторых случаях отсутствует прямое указание на нарушение договорных отношений, но при этом нет оснований делать вывод о применении «потока и разграбления» – например: «и прияша его [Ярослава Изяславича. – Ю.О.] новгородци, а Святополка выведе злыбы его ради...», «Выгнаша новгородци Ярослава Изяславича, а Романа Ростиславича посадиша» [12, с. 152–153].

В своей работе Д. А. Савченко обстоятельно обосновывает формы влияния византийского законодательства на древнерусскую правовую традицию, убедительно показывает, что церковная организация на Руси находилась в подчинении светской власти. При этом некоторые частные вопросы мо-

гут быть основанием для дискуссии. Например, сравнивая установление Прохирона о смертной казни и конфискации имущества «за злоумышленные против императора» и соответствующее место из Книг законных, Д. А. Савченко трактует текст последней слишком узко [2, с. 121–122]. Фразу «иже о съблюдении цареви или князи небрежи...» вряд ли следует трактовать в прямом смысле как «непроявление уважения, почтения, любви...» к правителю. Д. А. Савченко дальше поясняет свое видение, предполагая, что речь шла «о невыполнении обязанности регулярно молить Бога о благополучии царя, заботиться о его “съблюдении”», т. е. здравии при долгой жизни и спасении души после смерти [2, с. 122]. Таких примеров мы просто не найдем, а летописный материал, напротив, предоставляет примеры довольно резких высказываний в адрес князя со стороны городских общин, которые не сопровождались применением наказания. «Небрежение» в данном случае следует рассматривать в связи с другим словосочетанием «о съблюдении цареви или князи». Мы здесь видим умышленное «небрежение» о сохранении жизни «царя или князя» – явная отсылка к норме византийского происхождения, которая несколько в другом виде отражена в Уставе князя Ярослава (ст. 53 Пространной редакции), где предусматривается прекращение брака с женой, которая не сообщила о заговоре против «царя или князя» [13, с. 90].

Несколько дальше Д. А. Савченко удачно аргументирует подход, согласно которому в домонгольский период никакие деяния против княжеской власти не выделялись как отдельная группа государственных преступлений [2, с. 126], и с этим трудно не согласиться, откуда взяться государственным преступлениям, если само государственное образование находится на ранней стадии своего становления. Эта часть работы логически подтверждает контраргументацию против трактовки указанного места из Книг законных как состава преступления, предполагающего «невыполнение обязанности ...молить бога о благополучии царя», – для древнерусского правосознания это была совершенно непонятная конструкция, механически заимствованная из византийского памятника.

Говоря о церковной концепции наказания, автор справедливо ссылается на удачную формулировку А. И. Сидоркина («не как кара... а как способ склонить преступника к искреннему раскаянию в содеянном и исправлению»). В качестве противоположного подхода Д. А. Савченко указывает на монгольское право, якобы воспринявшее из китайской правовой традиции концепцию наказания как «ответного действия за совершенное преступление», предполагающее карательное воздействие [2, с. 168–169].

При этом полностью игнорируются несколько важных моментов: 1) если посмотреть на византийское право (на светское право, а не подсистему церковного права, обладавшую ограниченной сферой действия и особым путем эволюции), то в нем

мы видим вполне сформированную концепцию преступления как нарушения правовой нормы и наказания за это нарушение; 2) в рамках древнерусского права шел объективный процесс эволюции концепции правонарушения и воздействия на правонарушителя, предполагавший переход от обычно правового восприятия этих отношений к государственному регулированию. Именно в связи со становлением государственности вызревает понимание правонарушения как деяния, нарушающего не чей-то интерес, а установленную государственной властью норму. Важно, что этот процесс носил объективный характер, и сводить его к иностранному влиянию – серьезное преувеличение (в рамках сравнительно-правового анализа можно посмотреть на аналогичную эволюцию внутри римского права и других правовых систем Европы, которые не испытывали воздействия правовой традиции монголов).

До сих пор в юридической науке отсутствовала целостная концепция становления и ранних этапов эволюции правовых средств защиты политического строя и безопасности русского средневекового государства. Д. А. Савченко в своем исследовании восполняет этот пробел, создавая прочную основу для дальнейшей научной дискуссии и уточнения системы научных представлений о ранних этапах эволюции отечественного права и государства. В целом ряде аспектов это качественная и нужная для историко-юридической науки работа, но ее позитивный потенциал в значительной степени сокращается по причине использования идеалистических методологических оснований. В результате мимо внимания автора проходят объективные процессы, протекавшие в древнерусском обществе, оказываются неучтенными материальные основания изменений, происходящих в политико-правовой сфере. Отход от материалистических методологических оснований в современной юридической науке имеет свои вполне объективные причины, но важно понимать, какую опасность для выстраивания адекватной системы научного знания он несет, и вовремя исправлять эти ошибки средствами научной дискуссии.

Библиографический список

1. Дорская А. А. Типы правопонимания и вызовы постсекулярного мира // Типы правопонимания и вызовы постсекулярного мира: сб. науч. ст. по результатам Международной научно-практич. конф. / сост. А. А. Дорская. Санкт-Петербург: Астерион, 2016. С. 541–548. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27321511>.
2. Савченко Д. А. Защита политического строя и безопасности русского средневекового государства X – первой половины XVII вв.: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 629 с.
3. Агузаров Т. К., Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.): исторические очерки. Москва: Проспект, 2011. 224 с. URL: <https://tvoyal00.info/ugolovno-pravovaya-ohrana-vlasti-XI-nachalo-XX-v-istoricheskie-ocherki-tk-aguzarov-ai-chuchaev>.

4. Савченко Д. А. Принудительные меры защиты политического строя в практике древнерусского государства в XI–XIII веках // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 4. С. 151–164. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32297410>.

5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949. 407 с. URL: https://archive.org/stream/Charters_of_Veliky_Novgorod_and_Pskov_Valk_1949/GVNP_1949.

6. История Древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А. В. Седова; редкол.: Г.М. Бонгард-Левин (пред.) и др.; Ин-т востоковедения. Москва: Вост. лит., 2004. 895 с. URL: <https://b-ok.cc/book/2772176/9f80c1>.

7. Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Академический проект, 2018. 674 с.

8. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. Москва: Наука, 1988. 784 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=92858&p=1>.

9. Рапов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. Москва: Высш. шк., 1988. 416 с. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/perunica.ru/istoria/1359-rapov-om-russkaya-cerkov-v-ix-pervoj-treti-xii-vv.html>.

10. Оспенников Ю. В. Эволюция института мести в праве Северо-Западной Руси и скандинавском праве (X–XV вв.) // Право и образование. 2013. № 9. С. 156–161. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20170778>.

11. Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 405 с. URL: <https://imwerden.de/publ-3771.html>.

12. Новгородская четвертая летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1). Москва: Языки русской культуры, 2000. 728 с. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book479791/#page/1/mode/1up>.

13. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Москва: Наука, 1976. 240 с. URL: http://medievalrus.csu.ru/bible/Schapov_1976.shtml.

References

1. Dorskaya A. A. *Tipy pravoponimaniya i vyzovy postsekulyarnogo mira* [Types of legal understanding and challenges to the post-sectorial world]. In: *Tipy pravoponimaniya i vyzovy postsekulyarnogo mira: sbornik nauchnykh statey po rezul'tatam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sost. A. A. Dorskaya* [Types of legal understanding and challenges of the post-secular world: a collection of scientific articles based on the results of the International research and practical conference. Compiler A. A. Dorskaya]. Saint Petersburg: Asterion, 2016, pp. 541–548. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27321511> [in Russian].

2. Savchenko D. A. *Zashchita politicheskogo stroya i bezopasnosti russkogo srednevekovogo gosudarstva X – pervoy poloviny XVII vv.: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Protection of the political order and security of the Russian Medieval State of the X – first half of the 17th century: historical and legal research: Doctoral of Law's thesis]. Moscow, 2019, 629 p. [in Russian].

3. Aguzarov T. K., Chuchaev A. I. *Ugolovno-pravovaya okhrana vlasti (XI – nachalo XX v.): istoricheskie ocherki*

[Criminal law protection of power (XI – early XX century): historical essays]. Moscow: Prospekt, 2011, 224 p. Available at: <https://tvoyal100.info/ugolovno-pravovaya-okhrana-vlasti-XI-nachalo-XX-v-istoricheskie-ocherki-tk-aguzarov-ai-chuchaev> [in Russian].

4. Savchenko D. A. *Prinuditel'nye mery zashchity politicheskogo stroya v praktike drevnerusskogo gosudarstva v XI–XIII vekakh* [Forced measures for the protection of the political order in the practice of the ancient Russian in the XI–XIII centuries]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs* [Historical-Legal Problems: the New Viewpoint], 2017, no. 4, pp. 151–164. Available at: <https://www.library.ru/item.asp?id=32297410> [in Russian].

5. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949, 407 p. Available at: https://archive.org/stream/Charters_of_Veliky_Novgorod_and_Pskov_Valk_1949/GVNP_1949 [in Russian].

6. *Istoriya drevnego Vostoka: Ot rannikh gosudarstvennykh obrazovaniy do drevnikh imperiy. Pod red. A. V. Sedova; Redkol.: G. M. Bongard-Levin (pred.) i dr.; In-t vostokovedeniya* [History of the ancient East: From early state formations to ancient empires. A. V. Sedova (Ed.); Editorial staff: Bongard-Levin G. M. (introduction) et al. Moscow: Vost. lit., 2004, 895 p. Available at: <https://b-ok.cc/book/2772176/9f80c1> [in Russian].

7. Lukin P. V. *Novgorodskoe veche. 2-e izd., pererab. i dop.* [Novgorod veche. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2018, 674 p. [in Russian].

8. Rybakov B. A. *Yazychestvo Drevney Rusi* [Paganism of Ancient Rus]. Moscow: Nauka, 1988, 784 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=92858&p=1> [in Russian].

9. Rapov O. M. *Russkaya tserkov' v IX – pervoy treti XII v. Prinyatie khristianstva* [Russian Church in the IX – first third of the XII century. Acceptance of Christianity]. Moscow: Vyssh. shk., 1988, 416 p. Available at: <https://yandex.ru/turbo/s/perunica.ru/istoria/1359-rapov-om-russkaya-cerkov-v-ix-pervoj-treti-xii-vv.html> [in Russian].

10. Ospennikov Yu. V. *Evolutsiya instituta mesti v prave Severo-Zapadnoy Rusi i skandinavskom prave (X–XV vv.)* [Evolution of institute of revenge in the law of the North Western Russia and the Scandinavian law (the X–XV centuries)]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2013, no. 9, pp. 156–161. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20170778> [in Russian].

11. *Povest' vremennykh let. Ch. 1. Tekst i perevod* [The Tale of Bygone Years. Part 1. Text and translation]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950, 405 p. Available at: <https://imwerden.de/publ-3771.html> [in Russian].

12. *Novgorodskaya chetvertaya letopis'. (Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. IV. Ch. 1)* [Novgorod fourth chronicle. (Complete collection of Russian chronicles. Vol. IV. Part 1)]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2000, 728 p. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book479791/#page/1/mode/1up> [in Russian].

13. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [Old Russian princely charters of the XI–XV centuries]. Moscow: Nauka, 1976, 240 p. Available at: http://medievalrus.csu.ru/bible/Schapov_1976.shtml [in Russian].